

Оригинальная статья / Original article

УДК 347:004.89

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-81-92>**Доктринальные споры об ответственности за вред,
причиненный искусственным интеллектом****Л.А. Новоселова^{1,2✉}, Л.Г. Ефимова^{1,2}**

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

² Российская школа частного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при
Президенте Российской Федерации
ул. Ильинка, д. 8/2, г. Москва 103132, Российская Федерация

✉ e-mail: novoselova@privlaw.ru

Резюме

Актуальность. Анализ доктринальных точек зрения на правовую природу искусственного интеллекта и выбор оптимального алгоритма ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом как в договорных, так и внедоговорных отношениях, обусловлен объективной потребностью в разработке механизма правового регулирования общественных отношений по использованию искусственного интеллекта.

Целью исследования является научный анализ имеющихся в доктрине подходов к определению правовой природы искусственного интеллекта, обоснование подхода к пониманию искусственного интеллекта как объекта гражданского права, а также определение механизма компенсации причиненного вреда в результате деятельности любого технического устройства, функционирующего на основе искусственного интеллекта.

Задачи: изучить имеющиеся в науке взгляды на ответственность за вред, причиненный в результате использования различных систем искусственного интеллекта; выявить пробелы законодательного регулирования, а также теоретические проблемы гражданского права, появившиеся в связи с использованием искусственного интеллекта в экономической деятельности.

Методология. Достижение необходимого результата обеспечивается путем применения комплекса методов: общенаучных (таких как анализ, синтез, индукция и дедукция) и частнонаучных, среди которых ключевое место занимают системный анализ, формально-юридический (догматический) метод.

Результаты. Проанализировав точки зрения на понятие и признаки источника повышенной опасности, авторы присоединились к мнению тех исследователей, которые предлагали рассматривать в качестве источника повышенной опасности вредоносную деятельность, а не вещь, которая эксплуатируется причинителем вреда. При таком подходе деятельность любого технического устройства, функционирующего на основе искусственного интеллекта, отвечает всем признакам указанной вредоносной деятельности. Она связана с высокой вероятностью причинения вреда потерпевшему и сложна в управлении ввиду неподконтрольности компьютерной техники человеку, особенно с применением искусственного интеллекта.

Вывод. В случае причинения вреда потерпевшему в результате применения искусственного интеллекта должна следовать ответственность пользователя искусственного интеллекта за причиненный вред по модели ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности, даже при отсутствии вины.

Ключевые слова: источник повышенной опасности; искусственный интеллект; внедоговорные отношения; возмещение вреда; убытки; основания гражданско-правовой ответственности.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Новоселова Л.А., Ефимова Л.Г. Доктринальные споры об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 3. С. 81–92. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-81-92>.

Поступила в редакцию 22.04.2026

Принята к публикации 27.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Scholarly debates over liability for harm caused be AI

Lyudmila A. Novoselova^{1,2✉}, Lyudmila G. Efimova^{1,2}

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 123995, Russian Federation

² Russian School of Private Law of Research Center of Private Law named after S.S. Alekseev at President of the Russian Federation

8/2 Ilyinka Str., Moscow 103132, Russian Federation

✉ e-mail: novoselova@privlaw.ru

Abstract

Relevance. The paper is devoted to the analysis of doctrinal views on the legal nature of artificial intelligence and the choice of the optimal algorithm for liability for harm caused by artificial intelligence in both contractual and non-contractual relations, which is due to the objective need to develop a mechanism for legal regulation of public relations concerning the use of artificial intelligence.

The purpose of the study is to provide a scientific analysis of the existing approaches in the doctrine to defining the legal nature of artificial intelligence, to substantiate the approach to understanding artificial intelligence as an object of civil law, and to determine the mechanism of compensation for harm caused by any technical device operating on the basis of artificial intelligence.

Objectives: to study of the existing scientific views on liability for harm caused by the use of various artificial intelligence systems has revealed gaps in legislative regulation, as well as theoretical problems in civil law that have arisen due to the use of artificial intelligence in economic activities. The objective of the study is to find solutions to these problems.

Methodology. The desired result is achieved through the use of a complex of methods: general scientific (such as analysis, synthesis, induction and deduction) and specific scientific methods, among which system analysis and the formal legal (dogmatic) method occupy a key position.

Results. After analyzing the points of view on the concept and characteristics of a source of increased danger, the authors agreed with those researchers who suggested considering harmful activities rather than the object being exploited by the harm-doer as the source of increased danger. Under this approach, the activities of any technical device operating on the basis of artificial intelligence meets all the criteria of such harmful activities. It is associated with a high probability of causing harm to the victim and is difficult to manage due to the lack of human control over computer technology, especially when using artificial intelligence.

Conclusion. Concluded that in the case of harm caused to the victim as a result of the use of artificial intelligence, the user of artificial intelligence should be held liable for the harm caused, following the model of liability for causing harm by a source of increased danger, even in the absence of fault.

Keywords: source of increased danger; artificial intelligence; non-contractual liability; compensation for harm; losses; civil liability.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Novoselova L.A., Efimova L.G. Scholarly debates over liability for harm caused be AI. *Izvestiya Yu-go-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(3):81-92. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-81-92>.

Received 22.04.2026

Accepted 27.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Широкое использование различных технологий «искусственного интеллекта» вызвало волну дискуссий среди юристов, значение которых сложно переоценить. Их результатом должен быть выбор такой модели регулирования, которая позволит как контролировать связанные с технологиями опасности, так и отраслям высоких технологий – процветать¹.

Юридическая доктрина столкнулась с рядом важных правовых проблем, для решения которых люди с гуманитарным складом ума и образованием вынуждены вначале осваивать техническую суть и функционал новых цифровых технологий, что не всегда просто ввиду различий в базовых подходах к образованию в гуманитарной и технической сферах.

Например, при обосновании выбора алгоритма для возмещения вреда, причиненного вследствие использования систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), возникло множество затруднений, решить которые отечественная наука оказалась не в состоянии, хотя и признала наличие сложностей на пути исследователей [1, с. 3–14]. В доктрине поднимаемые с статьи вопросы рассматривались А.В. Виногоровым [2], С.В. Никитенко, предлагающим «универсальную концепцию, учитывающую специфику искусственного интеллекта и интересы участников ИИ-отношений» [3], М.А. Корчагиным, выдвигающим идеи реформирования гражданского законодательства в части наступления ответственности за вред, причиненный ИИ [4], М.Е. Жигалиной, А.В. Жаглиным с позиции необходимости совершенствования законодательства, исходя из потребностей правоприменительной практики [5] и др.

Методология

Применение совокупности таких методов научного познания, как анализ

научной литературы, системно-аналитический, формально-юридический, системно-правовой, позволили осуществить аналитический обзор доктринальных источников, определить специфику исследуемых правоотношений и выработать пути решения выявленных правовых проблем. Применение методов анализа и синтеза позволило, опираясь на действующее гражданское законодательство, охарактеризовать современное состояние правового регулирования ответственности за деятельность по использованию моделей ИИ, сформулировать вывод о том, что в зависимости от сферы и характера их применения такая деятельность может быть признана судом источником повышенной опасности.

Результаты и их обсуждение

Общеизвестно, что компьютерная техника не до конца подконтрольна человеку. Во-первых, в процессе заключения и исполнения договоров по каналам связи возможны технические сбои, недоразумения при использовании неоднозначных слов и выражений, информация об акцепте может не дойти до адресата и т. п. Во-вторых, компьютерный «мозг», который является только техническим решением, компьютерной технологией, лишенной способности к аналоговому мышлению, может принять неверное решение либо на основе неполных данных, либо в результате технического сбоя.

Например, известно, что финансовые убытки могут быть вызваны некорректной работой программных агентов. Так, 1 августа 2012 г. американская компания Knight Capital Americas LLC, одна крупнейших участников фондового рынка, за 45 минут работы торгового робота на бирже потеряла 465 млн долл., что в итоге привело к ее банкротству. Причины этой финансовой катастрофы заключались в использовании на одном из серверов ошибочного программного кода, связанного с обработкой заказов от брокеров, вследствие чего заказы стали размещаться роботом безостановочно и бес-

¹ Харитонов Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография. М.: Юс-тициформ, 2025. С. 261.

контрольно, а компания Knight Capital Americas LLC потеряла 172 тыс. долл. в секунду [6, с. 80]. При этом уже в первые минуты участникам рынка стало понятно, что высокочастотный торговый робот ведет себя некорректно, но в компании Knight Capital Americas LLC сделать ничего не могли, т. к. у торгового робота, образно говоря, не оказалось «выключателя»¹.

Необязательно, чтобы причинение договорных убытков или внедоговорного вреда всегда являлось следствием злонамеренных действий неизвестного хакера, бустинга или ошибок программирования, как иногда неверно понимается исследователями [1, с. 9].

Компьютерная техника (включая компьютерные программы) дает сбой сама по себе, потому что любая техника, а такая сложная как ИИ тем более, имеет уязвимости, которые могут проявиться сразу или со временем.

Возникает вопрос, какое лицо будет возмещать убытки за приобретение, например, большого количества дорогих и никому не нужных облигаций, и кто будет возмещать внедоговорный вред, возникший у добросовестных участников гражданского оборота из-за некорректных действий ИИ?

Сама возможность применения гражданско-правовой ответственности в ситуациях, связанных с работой систем искусственного интеллекта, во многом ставится под сомнение [7]. Наиболее четко проблема «пробела ответственности» («responsibility gap»)² была сформулиро-

вана Андреасом Маттиасом, который указывал, что интеллектуальные системы, наделенные способностью обучаться на основе взаимодействия с другими агентами и окружающей средой, влекут риск того, что ни один человеческий агент не может быть законно обвинен или признан виновным в нежелательных результатах действий, опосредованных системами искусственного интеллекта [8].

Вместе с тем предложенная им альтернатива: продолжать разрабатывать и использовать такие системы, отказавшись от возможности привлечь человека к ответственности, или прекратить их использование, сохранив человеческую ответственность, — слишком категорична. Человечество уже не может отказаться от использования таких систем (если только не сознательно обрушит всю цифровую среду). Невозможно также и не иметь правовых механизмов, позволяющих компенсировать причиненный такими системами ущерб, к которым относится и гражданско-правовая ответственность.

На сегодняшний день существует несколько основных позиций, определяющих выбор возможных моделей гражданско-правовой ответственности в случаях причинения имущественного ущерба, причиненного в результате функционирования систем ИИ.

Первая точка зрения на модель ответственности за действия систем ИИ вытекает из уже надоевшей всем дискуссии о правосубъектности ИИ, в которой приняли участие многие современные исследователи. Оригинальная точка зрения, которую затем озвучивали другие авторы, принадлежит Serge Kablan, который еще в 2008 г. высказался о правовой природе интеллектуальных агентов. В его диссертации речь шла не об искусственном интеллекте. Понятия «интеллектуальный агент» и «искусственный интеллект» следует различать, однако в современной российской литературе о право-

¹ См.: Золотов Е. Ошибка вышла! Как Knight Capital потеряла полмиллиарда за полчаса // Компьютерра: сайт. 2012. 6 авг. URL: <https://www.computerra.ru/187019/kcg/> (дата обращения: 20.04.2026).

² В российском праве сам термин «разрыв ответственности» не используется, на что обращает внимание Е.Н. Мельникова, предлагая применять аналогичный термин. См. подробнее: Мельникова Е.Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложе-

ний искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 80-92.

вых проблемах внедрения цифровых технологий их необоснованно смешивают.

Serge Kablan предложил присвоить электронному агенту статус субъекта права с наделением его обособленным имуществом за счет имущества пользователя, которому он принадлежит, аналогично наделению имуществом юридического лица за счет его учредителя с использованием приема *fictiojuris*. Признание интеллектуальных агентов юридическими лицами позволит ограничить ответственность пользователя размером имущества, переданного электронному агенту, в тех случаях, когда деятельность электронного агента приведет к возникновению убытков у покупателя – клиента владельца электронного агента¹. Таким способом исследователь попытался объяснить особенности заключения сделок интеллектуальными агентами, а также решить проблему действительности заключенных ими сделок при пороке воли и / или волеизъявления пользователя, справедливо распределить бремя несения расходов за неверные решения интеллектуальных агентов. Кроме того, любые убытки, причиненные интеллектуальным и агентами любым участникам гражданского оборота, в этом случае подлежали бы возмещению за счет имущества интеллектуального агента, которым его наделил пользователь.

Следует согласиться, что признание интеллектуального агента субъектом права позволит легче решать некоторые практические проблемы. Однако наделение гражданской правосубъектностью компьютерного бота вряд ли обосновано, если результат состоит только в решении

двух названных выше не самых значительных проблем. Конструирование новых субъектов гражданского права обосновано только при наличии серьезной общественной потребности, которая в настоящее время отсутствует.

Признание интеллектуального агента субъектом гражданского права приведет к тому, что компьютерная программа получит и другие права, которыми обладает большинство субъектов гражданского права, например, быть собственником недвижимости, иного имущества, правом наследовать и т. п. В этом случае будет также возможно приобретение компьютерными программами предприятий, найм персонала, превращение интеллектуального агента в работодателя и т. п. На сегодняшний день наделение интеллектуального агента гражданской правосубъектностью является преждевременным и опасным.

Интеллектуальные агенты должны оставаться объектами права. Поэтому любой пользователь, который использует интеллектуального агента для заключения договоров, должен принимать на себя все риски, связанные с деятельностью такой компьютерной программы, в том числе убытки, вызванные ошибками в процессе исполнения задания пользователя. Ярким примером такого подхода было дело по иску британского маркетмейкера B2C2, который в 2017 г. обратился с иском к сингапурской криптовалютной бирже Quoine с требованием об отмене сделок с криптовалютой. Фактические обстоятельства спора: истец разместил на платформе ответчика семь заявок на продажу ЕТК (эфириум) по цене 10ВТК (биткоинов) за 1 ЕТК, что было примерно в 250 раз выше рыночного курса на тот момент. Сделки были оформлены, но на следующий день ответчик отменил сделки и вернул баланс истца в первоначальное состояние, сославшись на системную ошибку в работе платформы. Истец полагал, что по условиям соглашения сделка не подлежала отмене. В

¹ См.: Kablan S.A. Pour une évolution du droit des contrats: le contrat électronique et les agents intelligents. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures de l'Université Laval dans le cadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) / Faculté de droit. Université Laval Québec. 2008. P. 343-402. URL: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en> (дата обращения: 10.03.2026).

2019 г. Международный суд Сингапура признал, что ответчик несет ответственность «за нарушение контракта и несоблюдение доверенным лицом своих обязанностей» при отмене сделок истца¹.

Таким образом, негативные последствия всех, в том числе некорректных действий ИИ-агента, признаются действиями самого пользователя; соответственно, он несет и возникшие убытки.

Вместе с тем вопрос о распределении убытков, причиненных в результате использования систем ИИ, возникает и в других ситуациях.

Среди них можно выделить случаи, в которых система ИИ выступает в качестве системы, предоставляющей информацию (результаты обработки симптомов, финансовая аналитика, прогноз погоды и т. д.), на основании которой пользователь совершает те или иные действия (например, постановка медицинского диагноза, действия по распоряжению активами, планирование сельхозработ).

Если в результате некорректной работы систем ИИ у самого пользователя наступают негативные имущественные последствия, вопрос об ответственности перед ним разработчиков моделей и систем ИИ, лиц, осуществляющих формирование наборов данных для использования в ИИ решается по правилам о договорной ответственности. В литературе отмечается, что при оформлении передачи прав на программное обеспечение возможно заключение различных договоров, например, лицензионного договора, договора о передаче исключительных прав на программное обеспечение, договора поставки оборудования с предустановленным программным обеспечением, смешанного договора, включающего

элементы договора поставки и лицензионного договора².

Последствия «некачественности» программного обеспечения определяются различным образом, в зависимости от вида заключенного договора. Так, при заключении договора поставки оборудования с предустановленным программным обеспечением к некачественному программному обеспечению применяются правила о поставке, поскольку последнее является неотъемлемым элементом оборудования, которое без него неработоспособно³.

Использование конструкции лицензионных договоров или договоров о передаче исключительного права на программу для ЭВМ не позволяет привлечь к ответственности за недостатки в работе программы лицо, которое предоставляет ее.

В исследованиях предлагалось применять к разработчику модели ИИ положения Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении вреда вследствие недостатков товара⁴, хотя в существующем виде эти положения применяются только в случаях приобретения товара в потребительских целях. Так, И.С. Шиткина и Д.О. Бирюков [9] указывают, что в случае причинения вреда вследствие недостатка товара субъектом ответственности по выбору потерпевшего могут быть как изготовитель, так и продавец, а вследствие недостатков рабо-

¹ Демидова А. Биржа Quoine проиграла апелляцию по делу против B2C2. Криптовалюты и блокчейн по-русски // bits.media: сайт. 2020. 25 февр. URL: <https://bits.media/birzha-kriptovalyut-quoise-proigrala-sud-protiv-b2c2/> (дата обращения: 20.04.2026).

² Мокшанов А. Некачественное программное обеспечение: защита интересов правопробретателя // Zakon.ru: сайт. URL: <https://zakon.ru/blog/2016/11/9> (дата обращения: 20.04.2026).

³ Например, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2020 № 09ФП-20901/2020 по делу № А40-315582/2019 // КосультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 20.04.2026).

⁴ Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография / Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, С.С. Зенин, В.А. Лебедев. Тюмень: Проспект, 2022. С. 104.

ты или услуги – исполнитель. Они могут быть освобождены от ответственности в случае, если докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения. Таким образом, при причинении вреда в результате использования ИИ в товаре, работе или услуге, приобретенном (заказанном) гражданином-потребителем, вред подлежит возмещению вышеуказанными лицами...» [10].

В отношении субъектов регрессной ответственности и оснований возложения на них обязанностей по возмещению убытков, выплаченных пользователем модели ИИ третьему лицу, высказываются различные мнения. Так, по мнению П.М. Морхата, недопустимо перекладывать всю ответственность на разработчиков ИИ, поскольку следует учитывать следующие обстоятельства, а именно: ИИ – сложные устройства и предсказать «поведение» таких технологий не всегда представляется возможным. Кроме того, конечные результаты работы ИИ зависят от обстановки его применения и возлагаемых на него задач¹.

Важно подчеркнуть, что в рассматриваемых выше случаях, по нашему мнению, отсутствует необходимость обсуждения особенностей отношений пользователя с третьими лицами, которым ущерб причиняется непосредственно действиями пользователя системы ИИ, а не в результате функционирования последней. Ответственность за негативные имущественные последствия перед третьими лицами несет пользователь, применивший системы ИИ в своей деятельности. Такая ответственность наступает по общим основаниям, в зависимости от того, какой договор его связывает с третьим лицом (в наших примерах – на оказание медицинских, финансовых услуг). Если договорная ответственность в кон-

кретном случае применяется при наличии вины, доводы стороны договора об ошибках в работе модели ИИ в качестве основания освобождения от ответственности не должны приниматься во внимание, поскольку пользователь ИИ должен отвечать за все последствия применения им ИИ, в том числе нести риск возможного причинения вреда третьим лицам.

Самостоятельного рассмотрения требуют ситуации, когда модели ИИ встраиваются в механические устройства для управления ими под контролем человека или без контроля (автономно). Наиболее активно эта проблема обсуждается применительно к беспилотным транспортным системам, хотя аналогичные ситуации могут возникнуть при использовании автономных систем, управляемых ИИ, в других областях (например, медицинские роботы, системы умного дома).

В ситуациях, когда вред причиняется самому владельцу управляемого ИИ устройства (транспортного средства), обязанность его возмещения лежит на его продавце и / или изготовителе по правилам, установленным ст. 401 и п. 2 ст. 475 ГК РФ.

Если вред причинен третьим лицам, то в подавляющем большинстве случаев исследователи, в частности Ч. Ли, С. Менг [11] и А.О. Ананенко [12], исходят из традиционной конструкции безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности на основании ст. 1079 ГК РФ. Е.В. Вавилин полагает, что определение деятельности по эксплуатации беспилотного транспорта в качестве создающей повышенную опасность для окружающих может быть дано и в соответствии с действующей нормой и судебной практикой [13].

По мнению других авторов, автоматизация транспортного средства, позволяющая перевести высокоавтоматизированные или полностью автоматизированные транспортные средства в автоматизированный режим управления, приводит к качественному изменению отношений и

¹ Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

оправдывает возложение безвиновной ответственности за причинение вреда не на их владельцев, а на их изготовителей [14].

При этих расхождениях важно одно – все указанные авторы в качестве источника повышенной опасности рассматривают эксплуатацию беспилотного транспортного средства (само транспортное средство), а не управляющую им модель ИИ. Скорее можно констатировать, что наличие системы ИИ позволяет с гораздо большей уверенностью охарактеризовать деятельность по эксплуатации таких транспортных средств как представляющую повышенную опасность. Неправильное функционирование, ошибки модели ИИ могут быть причиной причинения вреда, но сам вред является результатом физического воздействия механического устройства.

В каких же ситуациях допустимо говорить о причинении внедоговорного вреда самими моделями ИИ и можно ли в этом случае применять правила ст. 1079 ГК РФ об источнике повышенной опасности? Смоделировать ситуации, когда будет причинен имущественный вред, не связанный с механическим воздействием, при отсутствии договорных отношений между лицом, осуществляющим деятельность по использованию ИИ, и потерпевшим, достаточно сложно. Тем не менее они вполне могут иметь место. Например, если модель ИИ, используемая одним лицом, подключается через сеть к чужому компьютеру и уничтожает ценную информацию, что влечет убытки ее владельца.

По мнению некоторых авторов, в таких случаях невозможно применять конструкцию ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, поскольку исходя из буквального толкования норм ст. 1079 ГК РФ, если под владельцем источника повышенной опасности понимается юридическое лицо или гражданин, владеющее источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или оперативного управления

либо на ином законном основании, то сам источник повышенной опасности – это всегда «только определенные материальные объекты, предметы материального мира, но никак не деятельность» [15]. Л.Ю. Василевская, охарактеризовав ИИ как сложное программирование и результат интеллектуальной деятельности, указывает на его идеальную природу и в связи с этим также не усматривает оснований для применения конструкции источника повышенной опасности. По ее мнению, «трактовка источника повышенной опасности, связанная с реализацией на практике одного из известных подходов (теории деятельности или теории объекта-вещи) применительно к ИИ не может быть реализована в полной мере в силу его идеальности по своей природе» [1, с. 6].

Вместе с тем в советской и современной российской литературе достаточно подробно рассмотрена категория источника повышенной опасности, соотношение понятия «деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих» и «источник повышенной опасности», где отмечается, в частности, условность использования термина «владелец» в данной норме. В частности, сторонниками подхода, признающего источником повышенной опасности именно определенную деятельность, или деятельность с определенными объектами, были Б.С. Антимонов¹, О.С. Иоффе².

Судебная практика также традиционно придерживается подхода, последовательно характеризуя источник повышенной опасности через понятие деятельности. Так, согласно разъяснению, содержащемуся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражд-

¹ Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М.: Изд-во юрид. лит., 1952. 295 с.

² Иоффе О.С. Советское гражданское право: Отдельные виды обязательств: Курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 477-478.

данского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», по смыслу ст. 1079 ГК РФ, источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами¹.

Понимая это и отдавая должное взглядам тех специалистов, которые связывают понятие источника повышенной опасности с понятием деятельности, Л.Ю. Василевская отмечает, что «теорию деятельности также сложно применить к ИИ, поскольку речь идет не о действиях человека, а о “действиях” алгоритмов и программ, заложенных в некую идеальную сущность (ИИ), не субъектную по своей природе в отличие от человека» [1, с. 7].

Одновременно, отвергнув вначале полностью теорию «ИИ – источник повышенной опасности», автор, в сущности, приходит к правильному выводу: «на наш взгляд, источником повышенной опасности выступает не сам ИИ, существующий в объективной (цифровой) форме на разнообразных вещественных, электронных и биологических носителях, а его качество вредоносности, проявляющееся только в процессе использования ИИ, чаще всего неконтролируемое (или контролируемое частично) человеком, в результате чего и создается опасность для окружающих» [1, с. 7-8].

---

¹ О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 янв. 2010 г. № 1 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2010. № 3.

Однако затем автор вновь отходит от взгляда на вредоносность ИИ как такового, указав, что вредоносным ИИ можно считать только тогда, когда в него были внесены какие-то изменения либо по злой воле неизвестного хакера, либо в результате ошибки программиста. Рассуждая таким образом, Л.Ю. Василевская полностью отходит от конструкции ответственности по типу источника повышенной опасности, поскольку начинает рассуждать о содержании понятия «вина» применительно к вине программиста, допустившего ошибку.

По мнению Председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина, «...использование искусственного интеллекта можно с уверенностью отнести к деятельности, связанной с источниками повышенной опасности»².

Выводы

Конструкция ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, сложилась в российском праве в качестве механизма, который позволяет возмещать вред потерпевшему в ситуации, когда доказывание вины причинившего ущерб затруднительно, а часто и невозможно. Исторически такая система возмещения убытков возникла для случаев, возникающих при эксплуатации крупных промышленных предприятий – железнодорожных, паровых, фабричных и заводских³. Как мы видим, основная задача данного правового инструмента – обеспечить возмещение причиненного внедоговорного вреда потерпевшему там, где в силу потенциальной вредоносности, технологической и организационной сложности, неподконтрольности человеку всех аспектов дея-

---

² Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета: сайт. 2024. 27 июня. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 20.04.2026).

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1917 г.) М.: Спарк, 1995. С. 395.

тельности крайне сложно определить виновное лицо. При этих условиях справедливо снять с потерпевшего бремя доказывания вины, а на причинителя возложить обязанность доказать, что вред причинен вследствие непреодолимой силы. Выгоды от осуществления рассматриваемой деятельности извлекает последний, и поэтому бремя доказывания возлагается на него.

Исходя из этого попытки отрицать возможность применения к ситуациям причинения внедоговорного вреда, причиненного при использовании ИИ, конструкции источника повышенной опасности, особенно со ссылкой на формальные основания (им «нельзя владеть», он «не вещь» и т. д.) следует расценить как направленные на пересмотр традиционных подходов гражданского права к воз-

мещению вреда и освобождению субъектов, использующих ИИ, извлекающих из этого выгоду и имеющих больше возможностей предотвратить или снизить негативный ущерб от их использования, от повышенной ответственности перед потерпевшим (не имеющим всех этих возможностей). Деятельность по использованию моделей ИИ в зависимости от сферы и характера их применения может быть признана судом источником повышенной опасности.

На основании изложенного присоединяемся к мнению тех исследователей, которые предлагают рассматривать в качестве источника повышенной опасности именно вредоносную деятельность, а не вещь, которая эксплуатируется причинителем вреда.

Список литературы

1. Василевская Л.Ю. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом: проблемы и направления развития законодательства // Хозяйство и право. 2025. № 7. С. 3-14. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2025-7-3-14>.
2. Виногоров А.В., Пушкарев С.В. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: подходы, перспективы и правовое регулирование // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2025. № 1 (13). С. 21-28.
3. Никитенко С.В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 22-25.
4. Корчагин М.А. Деликтная ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 224-232.
5. Жаглина М.Е., Жаглин А.В. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 75-78. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-75-78>.
6. Березина Е.А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 7. С. 71-85. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.071-085>.
7. Мельникова Е.Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложений искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 80-92. https://doi.org/10.34076/20713797_2024_4_80.
8. Mattias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // Ethics and information technology. 2004. Vol. 6. P. 175-183.
9. Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Искусственный интеллект: правовые аспекты. Часть 1 // Право и экономика. 2023. № 11. С. 5-14.
10. Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Искусственный интеллект: правовые аспекты. Часть 2 // Право и экономика. 2023. № 12. С. 5-15.
11. Ли Ч., Менг С. Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами // Закон. 2020. № 3. С. 49-56.

12. Ананенко А.О. Юридическая ответственность в области использования беспилотных транспортных средств // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6(82). С. 155-161. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.82.6.155-161>.
13. Вавилин Е.В. Ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Хозяйство и право. 2023. № 10 (561). С. 3-11. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-10-3-12>.
14. Федоров Д.В. Безвиновная ответственность за причинение вреда при эксплуатации высокоавтоматизированного и полностью автоматизированного транспортного средства как источника повышенной опасности // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 191-211. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-6-191-211>.
15. Рожкова М.А. Об источнике повышенной опасности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 2. С. 88-100.

References

1. Vasilevskaya L.Yu. Compensation for damage caused by artificial intelligence: problems and directions for developing legislation. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*. 2025;(7):3-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2025-7-3-14>.
2. Vinogorov A.V., Pushkarev S.V. Liability for damage caused by artificial intelligence: approaches, prospects, and legal regulation. *Vestnik Mezhhregional'nogo otkrytogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Interregional Open Social Institute*. 2025;(1):21-28. (In Russ.)
3. Nikitenko S.V. Civil liability for damage caused by artificial intelligence. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2021;(4):22-25. (In Russ.)
4. Korchagin M.A. Tort liability for damage caused by artificial intelligence. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*. 2021;(14):224-232. (In Russ.)
5. Zhaglina M.E., Zhaglin A.V. Liability for damage caused by artificial intelligence: reality and prospects. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(2):75-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-75-78>.
6. Berezina E.A. The use of software agents in legal practice. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Current Issues in Russian Law*. 2023;18(7):71-85. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.152.7.071-085>.
7. Mel'nikova E.N. The problem of "breaking the responsibility" for harm caused by the use of AI systems and applications. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Legal Journal*. 2024;(4):80-92. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/20713797_2024_4_80.
8. Mattias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata. *Ethics and information technology*. 2004;(6):175-183.
9. Shitkina I.S., Biryukov D.O. Artificial intelligence: legal aspects. Part 1. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2023;(11):5-14. (In Russ.)
10. Shitkina I.S., Biryukov D.O. Artificial intelligence: legal aspects. Part 2. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2023;(12):5-15. (In Russ.)
11. Li Ch., Meng S. Non-contractual liability for damage caused by unmanned vehicles. *Zakon = Laws*. 2020;(3):49-56. (In Russ.)
12. Ananenko A.O. Legal responsibility in the field of unmanned vehicle use. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(6):155-161. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.82.6.155-161>.
13. Vavilin E.V. Liability for damage caused by an unmanned vehicle. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*. 2023;(10):3-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-10-3-12>.

14. Fedorov D.V. Innocent liability for causing harm when operating a highly automated and fully automated vehicle as a source of increased danger. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2020;(6):191-211. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-6-191-211>.

15. Rozhkova M.A. On the source of increased danger. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2002;(2):88-100. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Новоселова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); заведующий кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве, Российская школа частного права Исследовательского института частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: novoselova@privlaw.ru
SPIN-код: 4710-9727

Lyudmila A. Novoselova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Intellectual Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Head of the Department of Financial Transactions and new Technologies in Law, Research Center of Private Law named after S.S. Alekseev at President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: novoselova@privlaw.ru
SPIN code: 4710-9727

Ефимова Людмила Георгиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); профессор кафедры финансовых сделок и новых технологий в праве, Российская школа частного права Исследовательского института частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: elg007@mail.ru,
SPIN-код: 7483-5082

Lyudmila G. Efimova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Banking Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Professor of the Department of Financial Transactions and New Technologies in Law, Research Center of Private Law named after S.S. Alekseev at President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: elg007@mail.ru,
SPIN-код: 7483-5082